

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Я.П. ПОЛОНСКОГО

Баранская Е. М., аспирант

В цій статті досліджується рання лірика Я.П.Полонського з точки зору формування ліричного героя та романтичних тенденцій початку XIX століття.

In the article peculiarity of Ya. Polonsky's early lyrics is investigated and the accent is made on the development of lyric hero in the context of Pushkin romantic traditions.

Стихотворный дебют Я.П. Полонского приходится на сороковые годы, когда поэтическое творчество в России переживает определенный кризис, и "голос лирики", до сих пор развивавшийся в русле романтизма, "потерял прежнюю звучность" [1]. В.Майков в рецензии на стихотворения А.Н.Плещеева писал: "Стихи к деде и луне кончились навсегда. Настает другая эпоха: в ходу сомнение и бесконечные муки сомнения, страдание общечеловеческими вопросами, горький плач на недостатки и бедствия человечества, на неустроенность общества... Таков дух времени" [2].

Эстетическая система Полонского не вписывается в рамки приземленной реальности, что преобладает в творчестве поэтов "гоголевского" направления (А.И.Лагунов). Напротив, она пропитана эфирной легкостью пушкинской совершенной Красоты.

В неопубликованных мемуарах Якова Петровича есть заметка: "Нет почти ни одного журнала, где бы не стояло это имя (Пушкина – Б.Е.) на самом видном месте и не служило бы для него исходной точкой его литературных и нелитературных убеждений" [3]. Так, лирический герой раннего Полонского во многом формируется в духе пушкинских традиций. Очарование поэтической гармонией, воссозданной в поэзии Пушкина, увлекает его на стезю романтизма, где Красота и Гармония искусства выступает антитезой дисгармоничной социальной жизни. При этом слияние абсолютного искусства с действительностью остаётся романтической мечтой: "Изучить поэзию данной эпохи – значит изучить дух этой эпохи" [4]. Дух эпохи далеко не тождествен самой эпохе, реальности, но получает ясное выражение в романтической литературе. "Что такое быть в гармонии с самим собой и природой? – размышляет Полонский. – Не сделать ничего такого, что, по убеждениям нашим, не согласно с законами природы, ни с нашим человеческим достоинством – одним словом, не изменить себе. – Как это легко на словах, и как это трудно на деле" [5]. Отсюда – возможность полноценного существования исключительно в поэзии, и, как следствие, искренность поэтического переживания при явной и несомненной мифологизации своей биографической личности. В этом отношении Яков Петрович Полонский выступает наследником пушкинских игровых ролей, примеряет различные лики Пушкина (Пушкин – литератор, денди, изгнанник, скиталец и т.д.), как когда-то гений лиры перевоплощался в героев его "возлюбленных творцов", особенно когда "эти литературные образы стимулировали его собственное творчество" [6]. Возникает некий литературный симбиоз: Полонский – Пушкин, вплоть до мелочей (например, география путешествий Александра Сергеевича) воссоздающий литературную личность Пушкина. В связи с этим особый интерес вызывает переосмысление, а затем "перепев" Полонским "личных" мотивов поведения Пушкина, что позволяет распознать в нем романтического поэта, в рамках пушкинской традиции "интимно" связанного со своим произведением. Яркий тому пример – любовная лирика Якова Полонского.

Понятие "лирический герой", на наш взгляд, включает несколько позиций:

- 1) психологическая личность, или реальное лицо автора;
- 2) социальная личность;
- 3) литературный персонаж;
- 4) литературная личность.

Психологическая личность определяется совокупностью личностных характеристик: темперамент, характер, способности. Выполняемая ею психологическая роль может отражать "единство исторического сознания, воплощенного целостной личностью, вплоть до устойчивых признаков внешности – романтика, нигилиста, декадента и т.д." [7].

Социальная личность формируется набором социальных ролей, которые множественны и зачастую отчуждены от индивидуальности, т.е. "мыслятся как единицы неопределенно широкого набора функций" [9] личности в общественной жизни. Так, Яков Полонский в 40-ых–начале 50-ых гг. – студент, губернатор, разночинец и, наконец, литератор, поэт, наделенный оригинальностью восприятия, способностью по-своему отвечать на впечатления жизни.

Е.А.Штакеншнейдер, добрый друг Я.П.Полонского, составила его психологический портрет: "Странный человек Полонский... Доброты он бесконечной и умен, но странен. И странность его заключается в том, что простых вещей он иногда совсем не понимает или понимает как-то мудрено; а сам между тем простой такой по непосредственности сердечной..." [8].

Литературный персонаж в поэзии равен своей роли, которая есть "тождество концепций человека и проявляющей ее формы" [10]. В результате литературный персонаж – самая объективная, достаточно четко очерченная величина. В процессе читательской интерпретации литературный персонаж, как правило, получает однозначную характеристику.

Гораздо сложнее обстоит дело с лирическим героем. Лирический герой создается путем наложения психологических черт автора на его функциональные особенности как поэта. Иными словами, "личность поэта - в его образах" [11]. Лирический герой претерпевает трансформацию вместе с эволюцией мировоззренческих, нравственных и художественных установок автора, а также получает "бытовое дополнение в интерпретирующем сознании читателя" [12], что придает ему черты биографизма.

Литературная личность являет собой некое единство трех названных составляющих в их развитии либо совокупность лирических героев поэта. "Это величина не только текстовая, но и до-текстовая, и за-текстовая, она не может исключить читательское пристрастие в процессе интерпретации... и исторической трансформации..." [13].

Примечательно, что эти составляющие применительно к Полонскому настолько созвучны, что Е.А.Штакеншнейдер в своих дневниковых записях отмечает отсутствие какой бы то ни было игры в поведении Якова Петровича: "Он никогда не рисуется и не играет никакой роли, а всегда является таким, каков он есть" [14], т.е. романтиком и идеалистом по самой своей сути. Не случайно Александр Дюма говорит о русском поэте Полонском, что он "мечтателен, как Байрон, и рассеян, как Лафонтен" [15].

То, что Полонский воспринимался как определенный тип литературной личности, подтверждалось еще и тем, что он стал признанным "хозяином" литературного салона в Петербурге, посещаемого широчайшим кругом литературных деятелей (И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский, А.Н.Майков, А.П.Суслова и др.). Его признавали законодателем в поэзии, видели в нем поэта с исключительно своеобразным и всеми узнаваемым литературным обликом.

Хронологически обозначив ранний период творчества Я.П.Полонского 1838–1851 годами, мы можем соотнести его с этапами биографии, дифференцированными к тому же по географическому принципу:

- московский, 1838–ноябрь 1844 гг., (печатаются в журналах "Отечественные записки", "Москвитянин", издает первую книгу стихотворений "Гаммы", 1844);
- одесский, ноябрь 1844–июнь 1846 гг., (издана вторая книга, "Стихотворения 1845 года");
- кавказский, июнь 1846–весна 1851 гг.;
- крымский, лето 1850 г.

Одесса, Крым, Кавказ... Все это не так давно фигурировало в поэтическом творчестве Пушкина, освящено его именем, стало центром формирования романтического метода молодого поэта. В самом начале южного периода А.С.Пушкин активно участвует в мифологизации своей личности, сгущая атмосферу интенсивности вокруг текста, выстраивая литературно необходимый ему идеал "любви отверженной и вечной", прибегая как к художественному тексту, так и к "тексту поэтического поведения". Последний создается "из единства поэтических произведений, писем, реальных поступков, дневниковых записей, бытового поведения, перенесенного в жизнь со страниц литературы" [16].

Я.П.Полонский шаг за шагом повторяет путь своего кумира, пленяясь неизвестностью судьбы, неустанно скитаясь по свету в поисках идеала. В этот период его приятель Николай Ровинский советует ему в письме "жениться, чтобы остепениться" [17]. Как своеобразный ответ Полонского о своем душевном состоянии можно рассматривать фразу из его письма к одной московской даме: "Ничего не смею ждать особенно хорошего в моей будущности, часто она пугает меня; но, сознайтесь, неизвестность имеет какую-то особую прелесть – весь интерес недочитанного романа, который стал увлекать вас своим волшебным вымыслом" [18].

Безответно влюбленный – едва ли не основная поэтическая роль молодого Полонского. Так, А.В.Мещерский, один из сыновей князя В.И.Мещерского, в чьем доме с лета 1841 г. Полонский служил учителем грамматики, вспоминал о влюбленности поэта в его сестру, княжну Елену, которой посвящал стихи. Эти стихи не известны. В 1842 г. он заочно (по красочному рассказу студента Медико-хирургической академии Малича) увлекается Евгенией

Сатиной. Увидев ее, Полонский, как истинный поэт-романтик, на самом деле почувствовал себя влюбленным. Тогда же он сочинил стихотворение "Пришли и стали тени ночи..." – песнь юного, пылкого и неопытного чувства:

Помедли ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мир любви!.. [19]

Волнения страсти побуждают поэта поделиться своими переживаниями с Михаилом Кублицким, "одним из самых прозаических пустых существ", по убеждению самого Полонского [20]. (Потом он раскаивается в своей откровенности, о чем пишет в дневнике). Самое сокровенное он доверяет и московскому приятелю Николаю Орлову, сыну декабриста М.Ф.Орлова: "Я дышу новым воздухом, и печали и радости мои так прекрасны" [21]. Позже будут письма, адресованные Евгении: "Я готов за один поцелуй Ваш отдать половину жизни моей" [22]. Неразделенная любовь и... последняя встреча ("Встреча", 1844):

Вчера мы встретились; – она остановилась...
И молвила: "Прощайте, до свиданья".
А я хотел сказать: "На вечную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье" [с.37].

Примечательно использование пушкинской фразы "погибшее, но милое созданье". Однако вся эта история любви по большей части существовала лишь в воображении творца. Маска пылкого любовника скрывала скромного юношу, который, по собственному его выражению, был "целомудрен, как Иосиф" [23].

Осень 1844 г. В жизни Полонского появляется красивая белокурая девушка семнадцати лет – Соня Коризна (в замужестве Софья Михайловна Дурново). Вместе с нею в поэзию Якова Петровича входит мотив утаенной и вечной любви: "Влюбленный без памяти, при ней я притворялся холодным", – признавался позднее поэт [24]. Верный романтическому штампу пылкой свободной личности, хотя и не без давления со стороны реальной жизни, в ноябре 1844 г. Полонский "без цели, без плана ускакал из Москвы" [25] в Одессу, в смятении спасаясь бегством от своей любви. В 1846 г. знакомый Полонского по Одессе И.Ф.Золотарев, посвященный в душевные дела поэта, интересовался, "не к ней ли относится последний стих Грузинки?" [26]:

Ее любовь – мираж среди пустынных
Степей: – не утоляет жажды в зной
И не врачует ран старинных! [с.430]

Характерно, что в окончательной редакции стихотворения поэт снял несколько строк, в том числе и цитированные нами. Теперь он предупреждает:

Не увлекись пустым мечтаньем!
Мираж не утолит томящей жажды в зной
И не навевает снов журчаньем [с.57].

Переписка Софьи Михайловны Дурново с Полонским прервалась в 1851 г., но и в 1857 г., находясь в Баден-Бадене, под влиянием нахлынувших воспоминаний поэт обращает к прежней, юной Соне Коризне пьесу "Утрата", что, по словам А.Н.Майкова, "пахнет ароматом Пушкина" [27].

В воспетую Пушкиным Одессу Я.П.Полонский направляется пушкинскими же тропами. Из Елисаветграда Яков Петрович наведывается вместе с Н.Орловым в степное село Болтышку, имение родственников Орловых -- князей Раевских, где некогда побывал Александр Сергеевич; по возвращении в Елисаветград Полонский в нанятой таратайке устремляется дальше на юг – в Одессу. "Дешевый город" однако не вдохновил музу Полонского, о чем свидетельствуют стихотворные опыты 1845 г. И все же позднее, летом 1850 г., Одесса сыграла свою роль в судьбе Полонского. Отдыхая в Крыму, в Ялте (с июня по конец августа), поэт переживает бурное увлечение некоей мадам де Волан. В конце августа дама возвращается в Одессу, и Полонский, провожая ее, зашел в каюту корабля... Когда спохватился – пароход был уже в открытом море. Как видим, этот "нечаянный" визит в Одессу произошел совершенно в духе романтизма.

Но в январе 1846 г. Я.П.Полонский разочарованно писал Н.Орлову: "Вся Одесса в волнении <...> вряд ли я останусь здесь. Хочется быть на Кавказе и увидеть природу лицом к лицу" [28]. Желание поэта сбылось. Он прожил на Кавказе пять лет – с июня 1846 по май 1851 г.: И.Ф.Золотарев, помощник директора канцелярии Тифлиса, выхлопотал для Якова Петровича место в канцелярии заместителя и должность помощника редактора журнала "Закавказский вестник".

Итак, 6 июня 1846 г. Полонский покинул Одессу и через 20 дней прибыл в Тифлис. Добирался на новое место службы с большими трудностями, ночуя в гостиницах, трактирах, имеретинских жилищах, в лодке. Тифлис, встретив Полонского полуденным зноем, произвел на него "тяжелое, безотчетно-неприятное впечатление", но уже вечером поэт "не мог палубоваться им" [29]. Тифлис оказался "очень картинным городом". Живописное разноцветье и разноголосица тифлиссских улиц запечатлены в стихотворном послании Л.С.Пушкину "Прогулка по Тифлису" (1846):

Тифлис оригинальным нахожу,
По крайней мере, не скучаю... [с.51]

Действительно, "великолепная для непривычных глаз картина" отныне и навсегда приворожила поэта. Не случайно в предисловии к сборнику стихотворений "Сазандар" Полонский писал, что стихи эти "появлением своим на белый свет обязаны не столько мне, сколько пребыванию моему за Кавказом, преимущественно в Грузии" [30].

Так появились стихотворения "Грузинка", "Татарская песня" (1846), "Горная дорога в Грузии". "Грузинская ночь", "Грузинская песня", "Татарка". "Агбар" (1849). Своеобразную трилогию о предназначении поэта составили "Сатар", "Саят-Нова" (1851), "Старый Сазандар" (1853), объединенные философскими раздумьями о "стремлении к совершенству" [31]. Знакомство с бывшим атаманом - разбойником Таш-Тамуром послужило толчком к созданию поэтических строк "Каравана" (1851), проникнутых романтикой свободоловья и огаги.

Стихотворение "На пути из-за Кавказа", датированное 10 июля 1851 года, - это прощание со "светлой Грузией солнцем", со "знойно-каменным" Тифлисом, с "воинственным" Кавказом.

С Тифлисом связано увлечение молодого Полонского красавицей-армянкой Софьей Гулгаз, проживавшей в предместье Тифлиса Саллалаках, иначе: Сололаки [32]. Эта встреча как преобразила поэта, что его друг И.Ф.Золотарев однажды написал: "О Яков, Яков, безалаберный, беспутный, влюбленный, рассеянный поэт, фельетонист, рисовальщик!.. Ты меня не надуешь... Ты или влюблен без памяти, или..." [33]. "Улыбка лукавая" и "огонь соблазняющих глаз" ("на пути из-за Кавказа") заставили поэта мучительно ревновать: "Она говорит мне - я ваша!.. А кто знает - кто владеет ею в иные минуты...", - записал Полонский в альбоме [34]. Она была "прекрасна, как ангел небесный, как демон коварна и зла" [35]. Так родились стихи "Не жди" (1849) - эпизод в любовном сюжете:

... Не жди меня, на жди!
Ночь слишком хороша, чтоб я провел с тобою
Часы, когда душе простора нет в груди... [с.66]

Напрашивается аналогия со взаимоотношениями между А.С.Пушкиным и А.П.Керн. В обоих случаях искреннее чувство преобразовалось согласно условным формулам любовно-поэтического ритуала. Выраженное в стихах, оно превратило А.П.Керн в "гений чистой красоты", а С.Гулгаз искупало в "сиянье месячном" [с.66]. Между тем Пушкин в письмах к Керн сокрушался: "Отчего вы не наивны?", а в письме к А.Н.Вулфу именовал ее "Вавилонской блудницей" [36]. Полонский же пенял Гулгаз: "Я ревновал к тебе потому, что любил, и потому, что имею причины ревновать... Дай бог тебе еще лучшего друга, нежели я (ср. поэтическое пушкинское: "Как дай вам бог любимой быть другим." - Б.Е.). Если ты успела в эти две ночи с досады на меня продать себя - ради создателя, не ходи больше ко мне, не мучь меня... Будь счастлива, весела и спокойна" [37]. Впоследствии Полонский описал Софью Гулгаз в рассказе "Тифлиссские сакли" (Магдана).

На Кавказе Полонский попадает в круг общения, который чтит память Пушкина. В частности, он навещает Нину Александровну Грибоедову в доме ее брата - князя Давида Александровича Чавчавадзе, которому еще в 1849 г. посвятил стихотворение "Кахетинцу". Вдове автора "Горе от ума" поэт отдает дань уважения в стихотворении "Н.А.Грибоедова" (1879), замысел которого относится к 1846 г., первоначальное название - "Грузинская элегия" (Б.М.Эйхенбаум).

К 1 сентября 1847 г. Полонскому вменено в обязанность составление статистических таблиц по Тифлисскому уезду - еще одна социальная роль (чиновник). Это служебное поручение само по себе было для него слишком прозаичным, но поездка по Кавказу оставила незабываемые впечатления: "Едва не потонул в реке Иоре - ночевал в пещерах - голодал - в Караязской степи ел с пастухами печенье на углях какие-то грибы - проклинал азиатские седла, которые изломали мои ноги своими короткими стременами" [38].

25 мая Полонский покинул Тифлис с намерением вскоре вернуться. Однако более в Закавказье он не бывал.

Таким образом, на долю молодого Полонского, жаждущего романтической стихийной свободы и неуспокоенности, выпали любовные грезы, томления, первые разочарования, и все это – на фоне экзотической природы Юга. Любовь, как справедливо заметил Н.М.Соколов, "все-таки осталась на своем высоком пьедестале, – под эгидию Психеи, с которою... Эрот заключил узы вечного и нерасторжимого брака. Эта любовь осталась самой живою и светлою силою жизни" [39]. Любовь, природа, сюжет странствия последовательно формировали в ранней лирике Я.П.Полонского тип лирического героя, в духе пушкинской традиции соотнесенный с "биографическим" автором и отделенный от него устойчивой романтико-поэтической условностью.

Литература

1. Эйхенбаум Б.М. О поэзии. – Л., – 1969. – С.234.
2. Майков В. Критические опыты. – СПб., – 1891. – С.129.
3. Лагунов А.И. О романтизме в русской психологической лирике середины XIX века // Вопросы истории и поэтики русской литературы. – Ставрополь, – 1957. – С.120.
4. Там же. – С.123.
5. Там же. – С.124.
6. Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб., – 1995. – С.329.
7. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. – Л., – 1979. – С.48.
8. Тхоржевский С.С. Портреты пером. – М., – 1986. – С.256.
9. Гинзбург Л.Я. – Указ. соч. – С.56.
10. Там же. – С.56.
11. Соколов Н.М. Лирика Я.П. Полонского. – СПб., – 1899. – С.16.
12. Орехова Л.А. Образ автора и поэтика жанра: русская лирическая проза. – Автореф. дисс... доктора филол. наук. – М., – 1993. – С.11.
13. Там же. – С.12.
14. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.256.
15. Там же. – С.270.
16. Лотман Ю.М. – Указ. соч. – С.263-264.
17. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.235.
18. Там же. – С.235.
19. Полонский Я.П. Сочинения: В 2-х т. Т.1 Стихотворения; Поэмы. – М., – 1986. – С.33. Далее стихотворения Полонского цитируем по названному изданию с указанием страницы в тексте.
20. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.228.
21. Там же. – С.229.
22. Там же. – С.230.
23. Там же. – С.225.
24. Там же. – С.232.
25. Эйхенбаум Б.М. – Указ. соч. – С.242.
26. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.239.
27. Там же. – С.264.
28. Эйхенбаум Б.М. – Указ. соч. – С.245.
29. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.237.
30. Там же. – С.244.
31. Полонский Я.П. Лирика; Проза. – М., – 1984. – С.14.
32. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.243.
33. Там же. – С.243.
34. Там же. – С.244.
35. Полонский Я.П. – Указ. соч. – 1984. – С.602.
36. Лотман Ю.М. – Указ. соч. – С.107.
37. Тхоржевский С.С. – Указ. соч. – С.244.
38. Там же. – С.241.
39. Соколов Н.М. – Указ. соч. – С.52.